

ODYSSEUS

Man in History

The Subjunctive
Mood in History?

2000



MOSCOW
«NAUKA»
2000

ОДИССЕЙ

Человек в истории

История в
сослагательном наклонении?

2000



МОСКВА
«НАУКА»
2000

ББК 63.3(0)
О 42

Главный редактор
А.Я. ГУРЕВИЧ

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, И.В. ДУБРОВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, В.Н. МАЛОВ,
СВ. ОБОЛЕНСКАЯ (зам. главного редактора), М.Ю. ПАРАМОНОВА,
П.Ю. УВАРОВ (зам. главного редактора), В.И. УКОЛОВА, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ,
Г.С. ЧЕРТКОВА (ответственный секретарь), А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Е.М. МЕЛЕТинский, А.О. ЧУБАРЬЯН

Рецензенты:

кандидат исторических наук О.И. ВАРЬЯШ,
кандидат исторических наук Я.Г. ШЕМЯКИН

Одиссей. Человек в истории. 2000. — М.: Наука, 2000. - 344 с.
ISBN 5-02-010188-5

В сборник входят материалы "круглого стола", проведенного по такой увлекательной теме, как "История в сослагательном наклонении", статьи зарубежных и отечественных авторов, посвященные крупным фигурам или значимым тенденциям в современной науке. Кроме того, публикуются размышления Вяч. Вс. Иванова о путях и судьбах гуманитарных наук в XXI столетии, представлена традиционная для "Одиссея" рубрика "Картина мира в ученой и народной культуре" и др.

Для историков и широкого круга читателей.

ТП-2000-П-№ 17

ISBN 5-02-010188-5

ISBN 5-02-010188-5



© Издательство "Наука", 2000
© Российская академия наук
и издательство "Наука",
серия "Одиссей. Человек в истории"
(разработка, оформление),
1989 (год основания), 2000

Л.И. Бородкин

ИСТОРИЯ, АЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ И ТЕОРИЯ ХАОСА

Вопрос о сослагательном наклонении в истории я бы свел к более конструктивному вопросу об изучении альтернативных ситуаций в истории. Слишком много публицистичности и пафоса привнесено в обсуждение проблемы "сослагательного наклонения" за последние 10 лет. Мой интерес к этой тематике стимулировала известная статья И.Д. Ковальченко, опубликованная в 1986 г. - первая или одна из первых в нашей печати на эту тему¹, в которой он дал определение альтернативных ситуаций в истории и отметил, что их игнорирование обедняет представление об исторической реальности.

И.Д. Ковальченко писал, что альтернативы можно фиксировать тогда, когда происходит борьба общественных сил за некую альтернативу. Я склонен согласиться с К.В. Хвостовой в том, что история развивается от одной бифуркации к другой, а между ними существуют долгие периоды безальтернативного развития. В 70-х годах я, как, наверное, многие из присутствующих, не ощущал альтернативы настоящему. Я думаю, что говорить всерьез об альтернативах политическому развитию страны мы тогда не могли. Наш нынешний интерес к проблемам альтернативности исторического развития представляется вполне естественным: почти полтора десятилетия мы живем в поле альтернатив политического и экономического развития, и даже те, кто отказывает истории в "знании сослагательного наклонения", не берутся предсказать сегодня, каким путем будет развиваться страна через год-два. Это уже потом, несколько лет спустя, они будут говорить либо о каких-то "допущенных ошибках", либо о "закономерном развитии событий".

Как изучать альтернативные ситуации в истории? Так или иначе их изучение связано с моделированием - вербальным, концептуальным или компьютеризованным, математическим. Именно последнему и хотелось бы уделить внимание в данном выступлении.

Наибольшую известность моделирование альтернатив исторического развития получило благодаря трудам Р. Фогеля, предложившего контрфактические модели важнейших сюжетов экономической истории США XIX в. Они вызвали сотни рецензий, преимущественно критической направленности (позже, в 1993 г., Фогель был удостоен за эти труды Нобелевской премии). В 80-х годах и в нашей стране были опубликованы работы по моделированию альтернативных ситуаций в отечественной истории. Неудивительно, что они относились к периодам радикальных социально-экономических преобразований или реформ.

В связи с дискуссиями последнего десятилетия о социально-экономическом развитии страны в 20-е годы представляют интерес попытки построения математических моделей, направленные на углубление

анализа сложного периода, включавшего переход от продразверстки к продналогу, становление новой экономической политики и свертывание ее в конце 20-х годов. Так, в наших совместных с М.А. Свищевым работах приводятся некоторые результаты использования имитационных стохастических моделей социальных процессов периода нэпа. Модели позволили получить количественные оценки того, какая социальная структура сформировалась бы в частном секторе народного хозяйства в конце 20-х - первой половине 30-х годов, если бы в течение ряда лет сохранялась благоприятная для частных предпринимателей экономическая конъюнктура или, наоборот, проводился бы курс на их вытеснение. В частности, мы пытались оценить, как развивалось бы сельское хозяйство, если бы его не "переломил" 1929 г. Оказалось, что пророчества о грядущей социальной войне в деревне, о расслоении среднего класса не подтверждаются. Модель показала главную тенденцию к повышению уровня зажиточности крестьянства (в условиях сохранения экономической конъюнктуры середины 20-х годов).

Серия математических моделей была предложена Ю.П. Бокаревым. Одна из них связана с анализом различных альтернатив функционирования экономики в 1919 - начале 1921 г. Процесс обесценения денег и рост дороговизны в это время привели к тому, что эмиссия и цены оказались теснее связанными между собой, чем с производством и распределением. Возникла угроза отрыва цен и денежной массы от товарооборота. Могло ли уничтожение денег явиться выходом из создавшегося положения? В 1920 г. на этой мере настаивал ряд видных государственных и партийных руководителей, требование отмены денег содержалось в резолюции III съезда ВСНХ. Одновременно натуральное распределение, отмена оплаты коммунальных услуг, медицинского обслуживания и обучения создавали благоприятные условия для отмены денег внутри экономической системы. К каким экономическим последствиям привело бы становление натурального обмена между городом и деревней?

Для ответа на этот вопрос Ю.П. Бокарев обратился к построению системы дифференциальных уравнений, описывающих взаимоотношения между промышленностью и мелкими крестьянскими хозяйствами в условиях натурального обмена. Полученные результаты показывают, что после короткого периода роста промышленного и сельскохозяйственного производства началось бы их снижение, а затем объемы промышленной и сельскохозяйственной продукции стабилизировались бы, совершая едва заметные колебания вокруг уровней равновесия. Фактически это модель застойной экономики. Следовательно, если бы сторонники отмены денежных отношений восторжествовали, то страна не добилась бы тех успехов в экономике, которые были достигнуты в 20-е годы. Объем промышленной продукции остался бы на более низком по сравнению с сельским хозяйством уровне.

Интересный пример построения альтернативной модели развития реформы дает работа И.Д. Ковальченко, в которой имитационное мо-

делирование используется для оценки последствий столыпинской реформы. Именно в этом, на наш взгляд, и заключается основной смысл построения моделей альтернативных исторических ситуаций - в получении количественных оценок результатов двух вариантов развития (реализовавшегося и потенциально возможного), а вовсе не в упражнениях на тему "что было бы, если бы..."

В то время как изучение *эволюционных* процессов - достаточно традиционная область математического моделирования, подходы к моделированию процессов, претерпевающих скачкообразные изменения, стали складываться сравнительно недавно, в связи с разработкой концепций синергетики и теории хаоса. Скажу об этом чуть подробнее.

Развитие науки в последней четверти XX в. породило новую парадигму, оказывающую заметное влияние на развитие теоретических концепций всех отраслей научного знания. Речь идет о *синергетике*, эволюционно-синергетической парадигме, в рамках которой развитие понимается как становление качественно нового состояния системы, определяемого событием в точке бифуркации.

Появление основных концепций синергетики связано во многом с научным творчеством Ильи Пригожина, лауреата Нобелевской премии в области химической физики, известного бельгийского ученого. Изучая физику сильно неравновесных систем, И. Пригожий открыл новые эффекты, которые лаконично отражены в названии его книги "Порядок из хаоса". Оказалось, что эта теория имеет достаточно общий характер, она дает методологическую основу и аналитический инструментарий для исследования неустойчивых ситуаций, переходных процессов, хаотизации и альтернатив развития в самых разных науках - естественных и социальных. Встает вопрос не просто о расширении категориального аппарата социально-гуманитарных дисциплин, а и об использовании достаточно универсальных математических моделей, разработанных в рамках теории нелинейных динамических систем и математической теории хаоса, тесно связанных с концепциями синергетики. В последние годы и у нас, и за рубежом делаются попытки применения этой теории в исторических исследованиях. Оказалось, что для историков этот новый междисциплинарный подход открывает перспективы, в частности для анализа проблемы альтернатив исторического развития, для изучения сложных процессов, возникающих при "*надломе цивилизации*"².

Как отмечает К.В. Хвостова, в философском плане синергетика восходит ко многим европейским и восточным философским и теософским учениям о сочетании космического хаоса и порядка, к античной философии; очевидны ее связи с восточно-христианской *синергией*.

Концепции синергетики оказались тесно связанными с более общими подходами, развиваемыми в рамках "новой (нелинейной) науки" (*new science*). Эта наука не отрицает линейного характера развития некоторых процессов и равновесного состояния систем. Она исходит из

того, что эти свойства отнюдь не являются доминирующими в реальности, они скорее исключения, особые случаи, а главное, что заслуживает внимания исследователей, - это непредсказуемость поведения изучаемых систем в точках бифуркации, в которых малые случайные флуктуации могут оказывать сильные воздействия на траекторию процесса (в то время как в условиях "равновесия", обычно рассматриваемых традиционной наукой, малые флуктуации мало влияют на ход процесса). Возникающий вблизи точки бифуркации "хаос" не означает, что порядок исчезает; он означает, что динамика процесса становится *внутренне* (а не в силу внешних причин) непредсказуемой.

Отдельное направление работ по приложению синергетических теорий в истории — установление существования хаотических режимов по данным конкретных исторических источников. Этим занимается, в частности, небольшая группа исследователей на историческом факультете МГУ (А.Ю. Андреев, Л.И. Бородин, М.И. Левандовский). Для историка обнаружение хаотической компоненты в исследуемом динамическом ряду может иметь принципиальное значение - в этом случае можно говорить о внутренней неустойчивости процесса, когда небольшие воздействия или случайные флуктуации способны привести к крупным последствиям, к резкому изменению характера изучаемого процесса. Появляется возможность применить новый общенаучный инструментарий для изучения неустойчивых исторических ситуаций, связанных с непредсказуемостью хода процесса в точках бифуркации. Работы по использованию концепций синергетики в социальных науках продолжаются. В ближайшие годы можно ожидать получения новых результатов в конкретно-исторических исследованиях. Один из первых таких результатов получен нами при исследовании динамики стачечного движения в России в 1895-1913 гг.³ В динамический ряд мы включили помесечные данные о количестве стачек в России на протяжении двухсот месяцев. Измеряя различные характеристики этого ряда, мы вычисляем так называемый показатель Ляпунова: когда он принимает положительное значение, значит, система вошла в состояние детерминированного хаоса. Оценивались и другие параметры процесса, определяющие его внутреннюю неустойчивость (вид спектра и автокорреляционные функции). Мы обнаружили, например, что в 1905 г. модель начинает давать заметный всплеск еще до известных нам (внешних для изучаемого ряда) событий, таких как "кровавое воскресенье". Т.е. система была в таком состоянии, когда даже малые воздействия могли вызвать "взрыв", а воздействие, как мы знаем, было немалое.

Заметный вклад в развитие синергетического подхода применительно к методологии исторического исследования внес один из самых ярких филологов и историков XX в., Ю.М. Лотман, школа которого знаменита, в том числе плодотворным внедрением формальных методов и междисциплинарных подходов. Он первым из отечественных исследователей обратил внимание на необходимость использования кон-

цепций теории хаоса в методологии исторических исследований. Труды последних лет жизни Ю.М. Лотмана отмечены необычайной глубиной и принципиально новым концептуальным уровнем, на котором он рассматривал самые общие черты познания исторического процесса. Это был его отклик на происходящую во всей теории научного познания новую революцию, признаки которой в нашей стране - появившиеся переводы трудов И. Пригожина - Ю.М. Лотман горячо приветствовал. Об этом подробно пишет в своих работах последних лет А.Ю. Андреев⁴. В новой научной парадигме акцент исследования смещается с предсказуемости явлений на непредсказуемость, с постепенной эволюции процессов на взрывной характер развития, и именно здесь Лотман видел ключ к научному освоению динамичного пространства семиотических связей, которое сформировалось на базе изучавшейся им русской культуры.

Особенность новой парадигмы - изначально естественнонаучное ее происхождение, и, стало быть, математизация языка, на котором выражаются ее основные понятия, что зачастую вызывало настороженное к ней отношение со стороны гуманитариев, противопоставлявших особый характер развития своих дисциплин требованиям и понятиям "строгой" науки. Ю.М. Лотман всегда чуждался такого разделения, предпочитая говорить об образе более или менее "продуманного отчетливого построения науки и ее языка".

Первая статья Ю.М. Лотмана по этой тематике с характерным названием "Клио на распутье" вышла в свет в 1988 г. (журнал "Наше наследие"). Анализируя эту статью, можно выявить несколько основных моментов, которые наличествуют в его последующих работах.

Констатируя, что интерпретации соотношения закономерного и случайного в истории, существующие до сих пор в исторической науке, неудовлетворительны, Лотман обращал внимание на альтернативы исторического развития, существование которых настолько же реально, как и совершившийся ход событий, который лишается жесткой детерминированности: «Можно сказать, что в тех сферах истории, где люди играют роль "частиц крупного размера", включенных в броуновское движение гигантских сверхличностных процессов, законы причинности предстают в своих простых, можно сказать, механических формах. Там же, где история предстает как огромное множество альтернатив, выбор между которыми осуществляется интеллектуальной и волевой силой человека, необходимы поиски новых и более сложных форм причинности». При этом ученый подчеркивал, что речь должна идти именно о поисках новых моделей причинности, а не о возврате к романтическим формулам о гении как "беззаконной комете".

Динамика исторического процесса, по Лотману, предусматривает смену (возможно, несинхронную, в различных пластах) процессов постепенного развития и хаотических участков с разнообразием непредсказуемых исходов, "точек бифуркации", "перекрестков", "минут ро-

ковых". Как формулирует Лотман в другой статье, "случайное и законномерное перестают быть несовместимыми, а предстают как два возможных состояния одного и того же объекта. Двигаясь в детерминированном поле, он предстает точкой в линейном развитии, попадая во флуктуационное пространство - выступает как континуум потенциальных возможностей со случаем в качестве пускового устройства". Именно точки выбора и момент непредсказуемости придают, по мнению Лотмана, историческому процессу содержание, информативность, иначе, будучи абсолютно предсказуемым, он оказывался бы и абсолютно избыточным, так как по первому "кадру истории" какой-нибудь демон Лапласа мог бы определить все остальные. Интерес представляет и точка зрения Лотмана о том, что «каждое "великое" событие не только открывает новые дороги, но и отсекает целый пучок вероятностей будущего. Если это помнить, то описание этих потерянных путей становится для историка уже отнюдь не благими размышлениями на необязательные темы».

"Клио на распутье" — этот образ, на мой взгляд, адекватно отражает суть ведущейся дискуссии.

¹ Ковальченко И.Д. Возможное и действительное и проблемы альтернативности в историческом развитии // История СССР. 1986. № 4.

² "Надломы цивилизаций" - выражение А. Тойнби. См.: Постигание истории. М., 1991. С. 293. Отмечая, что рост цивилизации сопутствует ее самодетерминации, Тойнби пришел к выводу, что "основной критерий и фундаментальная причина надломов цивилизаций - внутренний взрыв, через который общество утрачивает свойство самодетерминации" (Там же. С. 336).

³ Andreev A., Borodkin L., Levandovski M. Using Methods of Non-linear Dynamics in Historical Social Research: Application of Chaos Theory in the Analysis of the Worker's Movement in Pre-Revolutionary Russia // Historical Social Research, 1997. Vol. 22. № 3/4.

⁴ Андреев А.Ю. "Клио на распутье": развитие новых методологических подходов к изучению исторического процесса в трудах Ю.М. Лотмана // Информационный бюллетень "История и компьютер". 1997. № 20.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ В СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ?

<i>П.Ю. Уваров</i> ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	5
<i>К.В. Хвостова</i> СОВРЕМЕННАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ (Роль многозначной логики)	10
<i>М.А. Чешков</i> ИСТОРИЧЕСКАЯ СОСЛАГАТЕЛЬНОСТЬ, ПОСТНЕКЛАССИЧЕ- СКАЯ НАУКА И РАЗВИВАЮЩИЙСЯ МИР	14
<i>Л.И. Бородкин</i> ИСТОРИЯ, АЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ И ТЕОРИЯ ХАОСА	21
<i>А.В. Оболенский</i> ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРЕКРЕСТКИ КАК ОБЪЕКТ АЛЬТЕРНА- ТИВНОЙ ИСТОРИИ	27
<i>С.А. Экиштут</i> КОНТРАФАКТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ, РАЗВИЛКИ И СЛУЧАЙНОСТИ В РУССКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ	33
<i>И.Н. Данилевский</i> СОБЛАЗН АЛЬТЕРНАТИВЫ	37
<i>А.Л. Юрганов</i> СВОЙСТВО ПОЗНАНИЯ, А НЕ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА	40
<i>В.Д. Назаров</i> СОСЛАГАТЕЛЬНОСТЬ СОСЛАГАТЕЛЬНОСТИ РОЗНЬ	42
<i>О.А. Ржешевский</i> УЧЕННЫЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ О ВИРТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ	45
<i>М.Ю. Пармонова</i> ИСТОРИЯ В СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ: ПОВОД ДЛЯ БЕСЕДЫ ИЛИ НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА? Опыт современной германской историографии	47
<i>Д.Э. Харитонович</i> МЕТОДОЛОГИЯ И НРАВСТВЕННЫЙ СМЫСЛ АЛЬТЕРНАТИВ- НОЙ ИСТОРИИ	50

<i>А.Я. Гуревич</i>	
ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ: БЕСЧИСЛЕННЫЕ ПОТЕРИ И УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ	53
<i>ДИСКУССИЯ</i>	58
<i>Л.М. Баткин</i>	
СТРАННАЯ ТЮРЬМА ИСТОРИЧЕСКОЙ НЕОБХОДИМОСТИ	64
<i>П.Ю. Уваров</i>	
РАЗВИЛКИ И ИГРАЛЬНЫЕ КОСТИ, АЛЬТЕРНАТИВЫ И СЛУЧАЙНОСТИ (Попытка инвентаризации)	78

ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

<i>Вяч.Вс. Иванов</i>	
СЕМИОТИКА КУЛЬТУРЫ СРЕДИ НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ В XXI СТОЛЕТИИ	86
<i>Мартин Дингес</i>	
ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: ЧЕРЕЗ ТЕОРИЮ "СТИЛЯ ЖИЗНИ" К "КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ"	96
<i>А.Я. Гуревич</i>	
ПОДВОДЯ ИТОГИ	125
<i>В.И. Стрелков</i>	
К ОНТОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ТЕКСТА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ Ф.Р. АНКЕРСМИТА	139

КАРТИНА МИРА В УЧЕНОМ И НАРОДНОМ СОЗНАНИИ

<i>Найтхард Бульст</i>	
ПОЧИТАНИЕ СВЯТЫХ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ. Социальные и религиозные реакции на эпидемии чумы в позднее средневековье	152
<i>П.В. Крылов</i>	
МУЖСКОЙ КОСТЮМ ЖАННЫ Д'АРК: НЕСЛЫХАННАЯ ДЕРЗОСТЬ ИЛИ ВЫНУЖДЕННЫЙ ШАГ?	186
<i>А.Л. Юрганов</i>	
ИЗ ИСТОРИИ ТАБУИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ	194

ОБРАЗ "ДРУГОГО"

<i>О.А. Савельева</i>	
ОБРАЗ "ЧУЖОГО" В СТАРООБРЯДЧЕСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ. К проблеме этноконфессиональной самоидентификации	207

В.К. Ронин

КОЛОНИАЛЬНЫШ МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ И ПИСЬМА РУССКИХ
ЭМИГРАНТОВ (20-30-е годы XX века) 223

РЕЦЕНЗИИ

А.В. Каравашкин. Харизма царя. Средневековая концепция власти как предмет семиотической интерпретации (рец. на кн.: Б.А. Успенский. Царь и патриарх: харизма власти в России. М., 1998) 257

Л.А. Пименова. Как человек становится революционером? (рец. на кн.: Э.Х. Лемэ, Э. Патрик, Ж. Феликс. Революционеры за работой. Учредительное собрание, 1789-1791. Оксфорд, 1996; Т. Тэкетт. Становясь революционером: депутаты Национального собрания Франции и возникновение революционной культуры. Принстон, 1996) 275

И.К. Стаф. Роже Шартье: итог двух десятилетий (рец. на кн.: Р. Шартье. На краю обрыва. История между уверенностью и беспокойством. Париж, 1998) 288

Вокруг книги А.Л. Юрганова "Категории русской средневековой культуры"

А.Я. Гуревич. Из выступления на защите докторской диссертации А.Л. Юрганова 295

И.Н. Данилевский. Продолжение разговора с другом 302

Summaries 316

НАШИ ЮБИЛЯРЫ 322

Юбилей Светланы Валериановны Оболенской 322

К 80-летию Георгия Степановича Кнабе 325

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

Умер Андрей Григорьевич Тартаковский 330

Памяти философа 333

CONTENTS

HISTORY IN THE SUBJUNCTIVE MOOD?

<i>P.Yu. Uvarov</i> INTRODUCTION	5
<i>K.V. Hvastova</i> THE MODERN EPISTEMOLOGICAL PARADIGM IN HISTORICAL RESEARCH (The role of polysemic logic)	10
<i>M.A. Cheshkov</i> THE HISTORICAL SUBJUNCTIVITY, THE POST-NON-CLASSICAL SCIENCE AND THE DEVELOPING WORLD	14
<i>L.I. Borodkin</i> HISTORY, THE ALTERNATIVE AND THE CHAOS THEORY	21
<i>A.V. Obolonsky</i> HISTORICAL JUNCTIONS AS THE SUBJECT-MATTER OF THE ALTERNATIVE HISTORY	27
<i>S.A. Ekshtut</i> COUNTERFACTUAL MODELLING, JUNCTIONS AND THE FORTUITOUS IN RUSSIAH HISTORY AND CULTURE	33
<i>I.N. Danilevsky</i> THE TEMPTATION OF THE ALTERNATIVE	37
<i>A.L. Yurganov</i> A PECULIARITY OF COGNITION RATHER THAN A CHARACTERISTIC OF THE HISTORICAL PROCESS	40
<i>V.D. Nazarov</i> NOT ALL SUBJUNCTIVITIES ARE THE SAME	42
<i>O.A. Rzheshhevsky</i> BRITISH SCHOLARS ON VIRTUAL HISTORY	45
<i>M.Yu. Paramonova</i> HISTORY IN THE SUBJUNCTIVE MOOD: A TALKING SUBJECT OR A SCIENTIFIC ISSUE? On the contemporary german research	47
<i>D.E. Haritonovich</i> THE METHODOLOGY AND THE MORAL MEANING OF THE ALTERNATIVE HISTORY	50

CONTENTS

<i>A.Ya. Gurevich</i>	
CULTURAL HISTORY: COUNTLESS LOSSES AND WASTED CHANCES	53
<i>DISCUSSION</i>	58
<i>L.M. Batkm</i>	
THE HISTORICAL NECESSITY, A WEIRD PRISON	64
<i>P.Yu. Uvarov</i>	
JUNCTIONS AND DICE, ALTERNATIVES AND FORTUITIES (An attempt at stock-taking)	78

THE HUMANITIES' ISSUES

<i>Vyach. Vs. Ivanov</i>	
PLACE CULTURAL SEMIOTICS INSIDE THE HUMANITIES OF THE XXI ST CENTURY	86
<i>Martin Dinges</i>	
HISTORICAL ANTHROPOLOGY AND SOCIAL HISTORY: VIA THE "LIFESTYLE" THEORY TOWARDS THE "CULTURAL HISTORY OF EVERYDAY LIFE"	96
<i>A.Ya. Gurevich</i>	
SUMMING UP	125
<i>V.I. Strelkov</i>	
NOTES ON THE ONTOLOGY OF A HISTORICAL TEXT: SOME ASPECTS OF F.R. ANKERSMIT'S PHILOSOPHY OF HISTORY	139

THE IMAGE OF THE WORLD IN THE LEARNED AND THE POPULAR MIND

<i>Neithard Bulst</i>	
THE VENERATION OF SAINTS DURING THE PESTILENCE. Social and religious reactions on pest epidemics in late middle ages	152
<i>P.V. Krylov</i>	
JEANNE D'ARC'S MANLY DRESS: AN EXTRAORDINARY EFFRONTERY OR A FORCED MEASURE?	186
<i>A.L. Yurganov</i>	
FROM THE HISTORY OF THE TABOO VOCABULARY	194

THE IMAGE OF THE "OTHER"

<i>O.A. Savelyeva</i>	
THE IMAGE OF THE "STRANGER" IN THE OLD-BELIEVERS' FOLKLORE. To the problem of ethno-confessional self-identification	207

V.K. Ronm

COLONIAL MEMOIRS, DIARIES, AND LETTERS BY RUSSIAN
EMIGRANTS (of the twenties and thirties of the 20th century) 223

BOOK REVIEWS

Tsar's charisma. The medieval concept of power as the subject matter of semi-
otic interpretation (*A.V. Karavashkin's* review of B.A. Uspensky's "Tsar and
Patriarch: The Charisma of Power in Russia". Moscow, 1998) 257

How does a man become a revolutionary? (*L.A. Pimenova's* review of: E.H.
Lemay, A. Patrick, and J. Felix's "Revolutionaries at work. The Constituent
Assembly, 1789-1791". Oxford: Voltaire Foundation, 1996, 144 p.; T. Tackett's
"Becoming a Revolutionary. The Deputies of the French National Assembly and
the Emergence of a Revolutionary Culture (1789-1790)". Princeton: Princeton
University Press, 1996. 355 p.) 275

Roger Chartier: Au bord de la falaise: L'histoire entre certitudes et inquietude.
Paris: Albin Michel, 1998. 293 p. (Review by *I.K. Staf*) 288

About A.L. Yurganov's "Categories of Russian Medieval Culture"

A.Ya. Gurevich. From the remarks concerning A.L. Yurganov's doctoral
dissertation 295

I.N. Danilevsky. Continuing the discourse with a friend 302

SUMMARIES 316

OUR JUBILEERS 322

Svetlana Obolenskaya's Jubilee 322

Towards Georgy Knabe's eightieth anniversary 325

IN THE MEMORY OF LOST 330

Dead is Andrey Tartakovsky 330

In memoriam philosophi 333